

УДК 323.1(476)(091)

В.В. Шимов

БЕЛАРУСЬ КАК ПОСТИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье рассматриваются проблемы становления национальной идентичности белорусов. Оценивается роль внешних влияний и факторов на этногенетические процессы.

Общеизвестен факт, что Беларусь на протяжении столетий входила в состав крупных политических образований, зачастую с взаимоисключающими культурно-идеологическими установками. Однако значение этого обстоятельства для формирования белорусской национальной идентичности, как представляется, остается сильно недооцененным. В трудах отечественных историков и публицистов Беларусь и белорусы нередко предстают как замкнутая «вещь в себе», не восприимчивая к приходящим извне влияниям, которые оцениваются как чужеродные и враждебные, разрушающие традиционную белорусскую идентичность. Наиболее красноречиво такой подход обозначен в пьесе Я. Купалы «Гутэйшыя», где «враждебные чужаки» представлены в образе русского и польского ученых-этнографов, обосновывающих «исконную» принадлежность Беларуси России и Польше соответственно. Подобная установка, крайне распространенная в среде белорусской гуманитарной интеллигенции, не позволяет оценить «чужеродные влияния» как значимый фактор формирования национального самосознания белорусов и, более того, самого возникновения белорусов как особого этнополитического феномена.

Наиболее близко к осознанию значимости «внешнего фактора» для Беларуси подошел Ю. Шевцов, который указывает на то, что на протяжении практически всей своей истории белорусы были не самодостаточной «вещью в себе», а, напротив, оказывались вовлеченными в более широкий политико-культурный контекст, выстраиваемый внешними по отношению к Беларуси силами. В связи с этим белорусская культура была вынуждена адаптироваться к этому контексту, который обнаруживал свою неустойчивость во времени и склонность менять знак на противоположный (в качестве подобной «смены знака» можно рассматривать вытеснение польского доминирования российским. В значительной степени разрывом историко-культурной преемственности был и советский период). Следствием этого становится отсутствие устойчивых традиций и культурных форм. «Белорусская идентичность в отличие от русской является в основе своей рациональной формой приспособления к окружающей действительности... Неудачи преследуют всех идеологов, которые пытаются увидеть белорусскую идентичность, проявляющую себя через апологетику некой внешней формы культуры – язык, кодифицированный исторический миф, конфессиональный патриотизм... Здесь нельзя долго хранить ни одной культурной формы... Белорусская идентичность не так связана с культурной формой, как русская или европейская... Форма никогда не успеваешь отстояться до своей быстрой гибели. К сожалению или к счастью – это, видимо, закон развития культуры в Беларуси: быстрое прогорание не успевшей созреть культурной формы» [1].

Адаптация к политико-культурному контексту того или иного политического образования (Речи Посполитой, Российской империи и т.п.) подразумевает не столько ассимиляцию (хотя выраженные ассимиляционные тенденции также всегда имеют место), сколько максимально комфортное «вписывание» в большое пространство доминирующего государства при сохранении собственной субъектности. Однако

неустойчивость внешнего доминирования, противоборство соперничающих имперских традиций (русско-польское противостояние в XIX в.) и прочие издержки имперского доминирования вызвали у определенных слоев протест и стремление избавиться от имперской опеки как со стороны русских, так и поляков. На этой почве возникает неприятие основных имперских традиций – русской и польской – как чуждых и враждебных. В противовес им развивается культ белорусской самобытности, основанной преимущественно на этноязыковых и фольклорных особенностях белорусской деревни.

Таким образом, на протяжении своей истории Беларусь являлась зоной конкуренции двух больших имперских проектов – (литовско)-польского и русского (частью которого с определенными оговорками можно считать и советский). Белорусский социум реагировал на это противоборство неодинаково, что вело к его политико-идеологической и культурно-языковой фрагментации. В качестве основных типов реакций можно выделить следующие:

1. Полная ассимиляция (полонизация или русификация).
2. «Вписывание» белорусской идентичности в качестве региональной в большое польское (местные литераторы-патриоты из полонизированной шляхты – Ян Чечот, Ян Барщевский, В. Дунин-Марцинкевич) и русское (представители западнорусизма – И. Семашко, М. Коялович, Е. Карский и др.) пространство.
3. Протест против обоих имперских проектов и культ местной самобытности на фольклорно-этнографической основе (белорусский национализм).

Несмотря на то, что на сегодняшний день как польская, так и российская/советская империи не существуют, их культурно-идеологическое наследие продолжает жить, оказывая свое возмущающее воздействие на белорусское общество. В связи с этим представляется оправданным рассмотреть исторический и этногенетический процесс в Беларуси с точки зрения ее пребывания в составе крупных полиэтнических образований и взаимодействия с этими образованиями.

Киевская Русь

Древнерусский период во многом является ключевым для понимания феномена Беларуси. Это древнейший исторический период, время, когда восточные славяне, включая предков белорусов, впервые заявили о себе в масштабах европейского христианского цивилизационного сообщества. В эту эпоху закладываются основы белорусской культуры, связанные с православной религиозной традицией и древнерусской кириллической письменностью. Важной особенностью этого периода является то, что этнополитическая идентичность предков белорусов формировалась как выходящая далеко за пределы региона и интегрирующая их в более широкий – древнерусский – политико-культурный контекст. Закрепляется представление об основном массиве белорусской территории как о части Руси, местное население, его вера и язык идентифицируются как «русские». С высокой долей уверенности можно утверждать, что в случае устойчивого развития Руси в последующие исторические эпохи процесс консолидации восточного славянства в единую национальную общность – русскую – был бы завершен.

Монголо-татарское нашествие привело к дезинтеграции древнерусского пространства и включению отдельных частей Руси в разные политико-культурные контексты. Но и после этого представления о Руси как об общности восточных славян, существующей «поверх» актуальных государственных границ, сохраняли высокую

устойчивость. Характерно, что представление о Руси как о едином этнокультурном пространстве, политически разделенном между Литвой, Польшей и Московией, находили отражение и у иностранцев, бывавших в регионе (эту тему детально исследовал российский историк А. Мыльников [2]). Этнонимы «Русь», «русский», «русин», идентификация языка как «русского» оставались доминирующими у образованного восточнославянского населения Великого княжества Литовского (в систематизированном виде эти свидетельства были в начале XIX в. собраны Е.Ф. Карским [3]). В связи с этим белорусский историк И. Марзалюк констатирует: «Можна з ўпэўненасцю лічыць, што пачатак сваёй гістарычнай традыцыі адукаваная частка насельніцтва Беларусі ў XIV–XVI стст. адназначна звязвала з Кіеўскай Руссю. Бясспрэчна, што пераважная большасць праваслаўнага набілітэта і мяшчанства беларускіх земляў у сярэдзіне XV–XVI ст. ужо ўспрымала ВКЛ як «сваю» дзяржаву і выказвала палітычную лаяльнасць да яе ўладароў. Аднак, як вынікае з нарматыўных крыніцаў таго часу, ВКЛ успрымалася імі толькі як «сучасная Бацькаўшчына» («present faterland»), якая ў сілу абставінаў заняла месца «даўняй Бацькаўшчыны» – Кіеўскай Русі» [4].

Как показали дальнейшие события, идея «даўняй Бацькаўшчыны» оказалась способной обретать актуальное политическое звучание: возвышение Московского государства/Российской империи и неблагоприятная конъюнктура для православного населения ВКЛ и Речи Посполитой вызвали к жизни стремление к реинтеграции исторических древнерусских земель, но уже под эгидой Москвы/Петербурга. Причем концептуальное оформление эти идеи нередко обретали в православной среде Западной Руси (Беларуси и Украины) и позднее «экспортировались» в Россию [5]. В XIX в. данная идеология оформилась в виде концепции «триединого русского народа», объединяющего всех восточных славян; ее региональным белорусским измерением был западнорусизм.

Таким образом, древнерусское наследие оставалось значимым фактором формирования политико-культурной идентичности белорусских земель на протяжении всей их истории. Историческая память о Киевской Руси закономерно становилась идеологическим фундаментом для проектов национально-политической консолидации восточных славян. К Новому времени эти проекты обретают выраженный «россиецентричный» характер. В связи с этим неслучайно, что политические проекты, направленные на обособление Беларуси от России, ориентированы прежде всего на деконструкцию «общерусского» наследия в белорусской истории и культуре. В рамках ВКЛ и Речи Посполитой это находило выражение в виде противопоставления «Руси» (т.е. Беларуси и Украины) «Москве», за которой не признавалась не только «русскость», но и славянство (известная концепция Фр. Духинского). В рамках собственно белорусских «незалежницьких» идеологий нередко отрицается славянство уже самих белорусов, которые признаются по происхождению балтами и тем самым противопоставляются как «Руси», так и «Москве». Другой версией отрицания значимости древнерусского наследия для белорусов является утверждение о суверенитете Полоцкого княжества, которое якобы никогда не входило в состав Руси и всегда противопоставляло себя основным древнерусским центрам – Киеву и Новгороду.

ВКЛ и Речь Посполитая

Монголо-татарское нашествие стало поворотным моментом в истории древней Руси, важнейшим следствием которого явилась дивергенция общерусского политико-культурного пространства и формирование новых точек государственного роста,

закрепившее политическое разделение восточного славянства. С советских времен в качестве аксиомы воспринимается утверждение, что монголо-татарское нашествие и возникновение вследствие его новых государственных образований (ВКЛ и Московского царства) привели к распаду древнерусской народности и формированию трех отдельных восточнославянских народов – русского, белорусского и украинского. Несомненно, формирование на территории исторической Руси новых государственных образований с весьма несхожим политическим и культурным контекстом вело к дивергенции и фрагментации «общерусского» пространства, однако это не был линейный процесс распада, разложения былого единства на три обособленные этнокультурные общности. Как представляется, этнополитические процессы в восточнославянском сообществе после монголо-татарского нашествия носили «турбулентный», нелинейный характер. Они характеризовались тенденциями как к реинтеграции на «общерусской» основе, так и к формированию новых этнополитических общностей, в основе идентичности которых лежит апелляция к позднейшим эпохам раздельного политического существования восточных славян и приуменьшение/отрицание значимости древнерусского наследия.

Эпоха ВКЛ значима прежде всего тем, что именно в этот период происходит постепенное вычленение массива белорусских земель как особого этнополитического пространства, обладающего выраженным своеобразием по сравнению с другими восточнославянскими (исторически русскими) территориями. Однако это пространство не было внутренне однородно, не обрело консолидированной национально-политической идентичности. Внутри него шла борьба между тенденциями к закреплению особого национального статуса вне общерусской идеи и стремлением «вернуться» в рамки общерусского единства, которое переосмысливается как *триединство*, т.е. внутренне дифференцированное единство велико-, мало- и белорусов. Причины этого явления во многом кроются в эволюции белорусских земель в составе ВКЛ и Речи Посполитой.

Формирование ВКЛ, как и Московского государства, происходило фактически на руинах старой киевской традиции. Это был процесс интеграции и консолидации обломков Киевской Руси вокруг новых политических центров. Особенностью литовского центра был его специфический этнополитический статус: в контексте Руси это была дальняя западная периферия, пограничье восточнославянского и балтского миров. Однако в результате монголо-татарского нашествия на Русь, когда восточные регионы либо оказались в непосредственной зависимости от Орды, либо находились в зоне угрозы татарского вторжения, именно эта западная окраина начала играть одну из ключевых ролей в судьбах восточного славянства. Удаленная, а также относительно защищенная лесисто-болотистая местность в условиях государственного упадка восточных и южных регионов Руси становилась удобной площадкой для зарождения новой государственности.

Упадок древнерусской государственности способствовал возвышению литовских князей, которые подчиняют себе не только этнически балтские, но и пограничные славянские территории (Черная Русь), а также земли со смешанным славяно-балтским населением. Длительный опыт совместного проживания славян и балтов на сопредельных территориях делал политическое подчинение пограничных русских территорий язычникам-балтам относительно быстрым и безболезненным. Кроме того, литовские князья сами стремились заручиться поддержкой восточных славян, которые были носителями более высокого культурного и хозяйственно-

технологического уклада и могли способствовать укреплению и возвышению литовской государственности. Таким образом, под властью этнически балтских элит сохранялся культурный «перевес» в пользу восточного славянства, а демографический баланс в регионе неуклонно смещался в пользу славянского элемента: к концу XIX в. славяноязычное население в окрестностях литовской столицы численно преобладало над балтским. Очевидно, это стало возможным как благодаря славянизации коренного балтского населения, так и притоку русских колонистов, привлекаемых в столичный регион княжества литовскими князьями.

Союз Литвы и Западной Руси изначально основывался на взаимной военно-политической выгоде: совместная защита от внешних врагов как на востоке и юге (татары), так и на западе (немецкие рыцари-крестоносцы). Однако сближение с Польшей и крещение Литвы в католицизм существенно осложняют ее отношения с Русью. Династический союз Литвы и Польши обосновывался теми же соображениями военно-политической выгоды, что и союз Литвы и Руси. Играл роль и фактор политического престижа: становясь королем Польши, литовский князь Ягайло повышал свой статус в средневековой феодальной иерархии и становился одним из могущественнейших властителей Восточной Европы. Кроме того, обращение литовской аристократии в католицизм и обретение католиками политического доминирования ставило их в эксклюзивное, привилегированное положение в сравнении с православным нобилитетом. Это вызвало бунты православной аристократии, многочисленные переходы на сторону Москвы (прежде всего, окраинных восточных княжеств), а также попытку создать автономное от Литвы Великое княжество Русское во главе со Свидригайлом – литовским князем, опиравшимся на западнорусскую аристократию. Идея Великого княжества Русского и преобразования литовско-польской унии из «союза двух» в «союз трех» была достаточно распространена среди православного населения ВКЛ. Уже в XVII в. на Украине, где сформировалась новая политическая сила – казачество, Великое княжество Русское как третий участник Речи Посполитой на недолгое время практически стало реальностью. В Беларуси, где закрепилось доминирование литовской или лояльной Литве аристократии, эта идея не нашла дальнейшего развития. Белая Русь и Литва четко разделялись на уровне общественного сознания, однако в политико-административном плане они были слиты в единый массив, в результате чего между ними образовалась обширная диффузная зона (включавшая и столицу Вильно), которая характеризовалась этнической чересполосицей и перемежающимся влиянием конфессиональных и культурных традиций. При этом политическое и культурное лидерство было за Литвой, по отношению к которой Белая Русь занимала периферийное и подчиненное положение.

Тем не менее вплоть до XVII в., когда начались казацко-крестьянские войны, западнорусское население оставалось в целом лояльным ВКЛ и Речи Посполитой и стремилось максимально комфортно вписаться в контекст этих политических образований. Как показывает И. Марзалюк, политическая мысль белорусских православных элит стремилась легитимировать существование ВКЛ как равноправного и взаимовыгодного союза Литвы и Руси, а также подчеркнуть мирный характер вхождения Западной Руси в состав ВКЛ и значимость вклада русинов в становление этого государства. При этом подобные трактовки наталкивались на неприятие со стороны собственно литовской элиты: «У творах ужо ўласна літоўскай (калі іх можна так назваць) нацыянальнай гістарыяграфіі сярэдзіны XVI ст. і легенда аб рымскім паходжанні літоўцаў, і інтэрпрэтацыя далучэння ўсходнеславянскіх земляў да ВКЛ

набывае выразную «антырусінскую» скіраванасць. Маём на ўвазе гістарычныя інтэрпрэтацыі Міхалона Ліцвіна і Аўгустына Ратундуса. Русіны ў Міхалона Ліцвіна выступаюць як народ ніжэйшы культурна і цывілізацыйна ў параўнанні з літоўцамі. Гэты аўтар, абапіраючыся на паданне аб рымскім паходжанні літоўцаў і іх мовы, падкрэсліваў іншароднасць старабеларускай моўнай традыцыі для літоўцаў, называў маскоўскім пісьмом старабеларускую кірыліцу: «Рутэнская мова (*idioma Ruthenuva*) чужая нам, ліцвінам, гэта значыць італьянцам, паходзячым ад італійскай крыві». Супрацьпастаўляецца свабода і незалежнасць літоўцаў у параўнанні з залежнасцю і рабствам «рутэнаў, над якімі тады, як і над маскавіцямі, панавалі заволскія татары». Толькі літоўцы з'яўляюцца стваральнікамі Вялікага Княства, яны і толькі яны, без дапамогі мясцовага русінскага насельніцтва, вызваляюць землі сучаснай Украіны і Беларусі ад мангола-татараў» [4].

Что же заставляло политический класс Западной Руси оправдывать фактическое подчинение иноэтническим и иноконфессиональным элитам и «закрывать глаза» на шовинистические и ксенофобские тенденции с их стороны?

Очевидно, это было связано с *объективной невозможностью существования самостоятельной восточнославянской государственности* в этот период. После монголо-татарского нашествия Русь была поставлена перед выбором той или иной формы политической зависимости, в результате чего Восточная Русь приняла зависимость от Орды, а Западная – от Литвы. Фактически развернулась конкуренция этих форм зависимости: какая из них окажется более успешной. Реализация Москвой программы собирания русских земель «под крылом» Орды, а впоследствии освобождение от ордынской власти и укрепление независимой российской государственности породили рост промосковских настроений и способствовали оформлению общерусской «московцентричной» идеологии и в Западной Руси. Однако успешность московского проекта была далеко не очевидной, поэтому ориентация на Литву и Польшу и стремление вписаться в структуры польско-литовской унии долгое время оставались значимыми трендами в западнорусском обществе.

В силу того, что в польско-литовском союзе все более выражено доминировало польское начало, Западная Русь также была вынуждена в той или иной форме вписываться в этот польский контекст. Это вело либо к полной ассимиляции и утрате исходной русинской идентичности, либо к преобразованию ее в региональный вариант польской, с сохранением многих местных особенностей. По такому пути эволюционировала идентичность литовской магнатории и шляхты: «литвинство» превращалось в специфическую региональную разновидность общепольской идентичности по формуле «роду литовского, нации польской». В принципе, в аналогичном направлении могла эволюционировать и русинская идентичность. На это указывает и уже неоднократно цитированный И. Марзалюк: «Ад вялікіх князёў кіеўскіх выводзілі свае радаводы князі Агінскія і Друцкія, што ўспрымалася як бясспрэчны факт у моўна спаланізаваным асяродзі каталіцкай беларускай шляхты нават у 80-я гады XVII ст. Пра гэта сведчыць цікавейшая інтэрмедыя 1689 г. на герб Агінскіх «Брама», створаная і пастаўленая маладымі шляхціцамі-навучэнцамі менскай езуіцкай калегіі ў гонар свайго фундатара канцлера ВКЛ князя Марцыяна Агінскага. Менавіта ад «Глеба і Барыса, княжат рускіх, мучанікаў Хрыстовых» па прамой лініі, як сцвярджалася ў інтэрмедыі, паходзяць князі Агінскія, а іх герб «Брама» – нішто іншае як радавы герб успадкаваны імі ад святых князёў. Менскія шкаляры скарысталі для інтэрмедыі сюжэт з «Аповесці мінулых гадоў» пра забойства Святаполкам Акайным высакародных

продаў дому Агінскіх. У інтэрмедый падкрэслівалася, што і князі Агінскія, і князі Друцкія паходзяць ад «Святога Уладзіміра Адзінаўладцы Рускага». На польскай мове з падмостваў езуіцкага школьнага тэатру ажывала гісторыя Кіеўскай Русі, якая яшчэ ў гэты час, як выглядае, была «сваёй» і для Марцыяна Агінскага, і для маладых беларускіх шляхцічаў, езуіцкіх школяроў. Усе яны размаўлялі па польску і былі каталікамі, але іх гістарычная памяць яшчэ не давала ім забыцца на свае этнічныя карані ды папярэдняю канфесійную прыналежнасць...» [4].

Как представляется, формой интеграции «русскости» в польский культурный контекст было и униатство, причем уния, в отличие от католицизма, позволяла сохранить значительно больший пласт древнерусского культурного наследия, одновременно интерпретируя его в кодах польской культуры. По сути, русины-униаты могли стать своего рода «поляками восточного обряда». Примечательно, что близкую по смыслу формулу – «поляк православного исповедания» – пытались внедрить в сознание православных жителей западной Украины и Беларуси в межвоенной Польше в XX в. [6].

Однако подобная «программа» политико-культурной трансформации Западной Руси далеко не встречала всеобщего одобрения. Идея религиозной унии встретила активное неприятие значительной части православного общества, что спровоцировало рост межконфессиональной напряженности и придало католически-униатскому прозелитизму откровенно агрессивный, доходящий до политического терроризма характер. Все это закономерно провоцировало рост пророссийских настроений в православной среде Беларуси и Украины. В конечном счете, разочаровались в польском проекте и многие униаты, которые так и не «вписались» в политико-культурное пространство Речи Посполитой «на равных» с поляками-католиками, испытывая со стороны последних пренебрежительное отношение и притеснения. Результатом этого стало появление русофильских и проправославных настроений, что в конечном счете привело к воссоединению унии с православием, инициированному уже в рамках Российской империи частью униатской иерархии во главе с Иосифом Семашко. Стагнация и упадок Речи Посполитой и «обратно пропорциональное» усиление России в XVII-XVIII вв., завершившееся ликвидацией РП и переходом белорусских земель в состав Российской империи, логично запускали процесс «переформатирования» белорусской культуры в направлении «москвоцентричного» русофильства.

Российская империя и СССР

Основной смысл эпохи Российской империи – демонтаж польских структур влияния и усиление русского политико-культурного присутствия в Беларуси. Данная тенденция возобладала не сразу. Первоначально Россия, по сути, проводила политику сохранения «польской империи» под своим протекторатом, обсуждались проекты формального восстановления ВКЛ и/или РП. Однако после восстания 1830–1831 гг. российским властям становится очевидной нелояльность поляков, их нежелание смириться с имперским доминированием России. С этого момента и получают свой шанс русофильские элементы, которые становятся опорой имперской политики в регионе. Обретает новую жизнь концепция национального единства всех восточных славян как большого русского народа – наследника и продолжателя традиций Киевской Руси. Следует обратить внимание, что идея русского единства обретает форму *триединства* велико-, мало- и белорусов, т.е. большой русский народ понимался как

внутренне дифференцированная целостность, совокупность традиций трех основных «племен», входящих в его состав. Таким образом, белорусская этнокультурная субъектность не растворялась в большом русском народе, но вписывалась в него как особый феномен. Вместе с тем акцентировалась органическая связь белорусов и белорусского языка и культуры со всеми остальными традициями исторической Руси. Этим обосновывалась необходимость общего для всех восточных славян культурно-информационного пространства на базе единого языкового стандарта, в качестве которого рассматривался (велико)русский литературный язык, получивший к тому времени наиболее «продвинутой» среди восточнославянских наречий обработку. Таким образом, предполагалось формирование двухуровневой культуры, где белорусская региональная традиция органически сочеталась бы с общерусской, обслуживающей потребности государственного управления, «высокой» литературы и науки. Вот как это сформулировал в 1922 г. известный этнограф и лингвист Е.Ф. Карский: «Литература белорусская, отличающаяся жизненностью, как провинциальная, будет существовать и развиваться. Что же касается белорусского языка, которым говорит простой народ, то, желая ему всякого процветания в будущем даже до мирового значения, я по вопросу о введении его сейчас в науку как языка высшего и даже среднего преподавания держусь приблизительно такого же взгляда, какой был высказан в последнее время и одним беспристрастным поляком (проф. И.А. Бодуэном-де-Куртенэ), именно, «что белорусский язык столь близок к языку великорусскому, что ему навряд ли удастся удержаться рядом с этим последним. Для нужд изящной литературы и для нужд науки, белорусы будут, вероятно, пользоваться и впредь языком, выросшим на великорусской почве» – прибавим от себя – не без участия других русских наречий, в том числе и белорусского, особенно в прежнее время. Ведь надо поскорее приобщить народ к культуре, опирающейся на живые народные корни, питающиеся общерусскими соками, а не на чужие (хотя и многолетние) налеты» [7].

К началу XX в. действительно удалось существенно ослабить польское влияние и нарастить русское политико-культурное присутствие в Беларуси. Возникла целая плеяда политических и культурных деятелей (И. Семашко, М. Коялович, П. Жукович, И. Харлампович, Н. Носович, Е. Карский), внесших значимый вклад в формирование «русоцентричной» модели белорусской культуры. В то же время, процесс демонтажа польского и интеграции в русский проект носил весьма нелинейный и турбулентный характер. Структуры польского влияния, несмотря на формальную ликвидацию Речи Посполитой, сохраняли жизненную силу и оказывали активное сопротивление «русификации». Мечта о возрождении Речи Посполитой обуславливала необходимость выработки «польской» версии белорусской идентичности, которая выступала в качестве конкурента и антагониста «русской» модели. Весьма примечательны в этом плане листовки К. Калиновского, который выступал не только с призывами к совместной борьбе против России белорусов и поляков, но и с апологией унии которая, как было показано выше, являлась одним из инструментов «вписывания» белорусской идентичности в польский контекст [8].

Помимо «русской» и «польской» версий, возникает и третья модель белорусской идентичности, одинаково враждебная двум первым. Она противопоставляет белорусов как русским, так и полякам и стремится вывести Беларусь за пределы какого бы то ни было имперского контекста. Новое национальное движение обретает выраженный «революционно-освободительный» характер. XIX в. был веком распространения революционных социалистических идей, связанных с критикой существовавших тогда

порядков. В Российской империи эта критика была связана с неразрешенностью земельного вопроса между помещиками и крестьянами, деспотизмом самодержавной монархии и архаичной сословной структурой общества. В Беларуси социальное брожение и недовольство существующими порядками обрело национальный оттенок – российскому самодержавию и польскому землевладению как основным «угнетающим» началам противопоставлялся не просто отвлеченный социальный идеал, но мечта о «своем» национальном государстве, в котором крестьянин-белорус, к которому преимущественно обращались национал-революционеры, обретет счастье. Таким образом, белорусское национально-революционное движение явилось продуктом как социального недовольства, так и промежуточного положения Беларуси на перекрестке польского и российского имперских проектов и, как следствие, «недоинтегрированности» ни в один из них. В результате освободительный пафос этого движения обратился против обоих.

Вместе с тем, несмотря на антироссийскую риторику белорусского «освободительного» движения, оно оставалось интегральной частью общероссийского революционного процесса. Поэтому представляется вполне закономерным, что национал-революционеры пришли к власти в Беларуси на пике революционной волны, накрывшей всю империю, как попутчики и союзники большевиков. «Освобождение» белорусов, формирование белорусской государственности происходило в рамках Советской федерации с центром в Москве, в геополитическом отношении практически полностью воспроизводившей контуры былой Российской империи. Ранние большевики рассматривали геополитические контуры СССР как временные, рассчитывая на скорую мировую революцию и создание уже мировой Федерации социалистических республик.

Однако начиная с 1930-х гг., когда стала очевидной неосуществимость мировой революции в обозримой перспективе, союзное руководство приступило к планомерному формированию советской политической идентичности, объединяющей всех граждан СССР. Так Беларусь оказалась вписанной в очередной имперский контекст, уже советский, который, несмотря на коммунистическую идеологическую оболочку, воспроизводил основные культурно-языковые характеристики старого российского имперского проекта. В отношении восточных славян также воспроизводятся многие идеологемы старой общерусской идеологии – правда, теперь речь идет не о триедином русском народе, а о трех братских народах, имеющих общий корень – древнерусскую народность. Именно в рамках СССР произошла реальная массовая интеграция белорусов в русскоязычное имперское пространство: формирование единого индустриального экономического комплекса, стремительная урбанизация обеспечили быстрое распространение общеимперских культурно-языковых стандартов среди населения. На наш взгляд, это было обусловлено как внутренней слабостью и незрелостью белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм «высокой» культуры, способных конкурировать с русской культурой, так и остаточным влиянием западноруссизма, которое «пережило» период белоруссизации и получило новый стимул к развитию под эгидой доктрины «трех братских народов». В советский период практически полностью ликвидируется политико-культурное влияние Польши на Беларусь: даже католическое население включается в «русско-советское» имперское поле (чему, очевидно, способствует утрата жесткой связи с православием советизированной русскоязычной традиции).

Вместе с тем, глубокая интеграция в «советско-русский» имперский контекст сопровождалась институционализацией особой белорусской идентичности – эти процессы шли «рука об руку», взаимно дополняя друг друга. Закреплению особого белорусского самосознания способствовало, прежде всего, создание белорусской республики – впервые территория Беларуси оформлялась как цельный политико-административный субъект. Важным фактором были и специфически советские процедуры административной фиксации этничности граждан: этнонациональная принадлежность фиксировалась в основных идентификационных документах – свидетельствах о рождении и паспортах. Белорусский язык не стал массовым языком «высокой» городской культуры, однако обрел важное символическое значение как маркер белорусской «особости», причем в ряде случаев белорусскоязычный культурный продукт обретал общесоюзное звучание (например, творчество ансамбля «Песняры»), что также репрезентовало «белорусскость» как особый феномен в рамках советского пространства.

Таким образом, в рамках СССР белорусская идентичность оформилась как особый феномен, который, вместе с тем, являлся интегральной частью русскоязычного имперского культурно-информационного пространства. Данная модель была адекватна условиям СССР и способствовала успешной интеграции белорусов в советский проект.

Распад СССР и постимперская ситуация

Распад СССР создал непривычную ситуацию, когда Беларусь впервые за много столетий оказалась вне непосредственного контроля внешних имперских структур. Эта ситуация требует поиска новых моделей идентичности, способных адаптировать белорусское общество к новым условиям существования. Сложная история белорусских земель, находившихся на протяжении столетий в зоне противоборствующих и во многом взаимоисключающих влияний, не позволяет, на наш взгляд, выстраивать белорусскую идентичность по классическим националистическим схемам, когда история страны предстает в виде целостной и внутренне логичной схемы с однозначно расставленными акцентами: кто друг и кто враг, что хорошо и что плохо и т.п. Учитывая это обстоятельство, наиболее правильным будет рассматривать Беларусь как постимперское пространство, результат конкуренции и взаимного наложения альтернативных культурных, политических, религиозных и прочих влияний, на основании чего следует вырабатывать механизмы мирного сосуществования альтернативных моделей идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевцов, Ю.В. Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю.В. Шевцов. – Москва : Европа, 2005. – С. 71.
2. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы / А.С. Мыльников // Маловідомі матеріали історії України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ukrainaforever.narod.ru/etnodominazia.html>. – Дата доступа : 16.06.2011.
3. Карский, Е.Ф. Белорусы. Очерки словесности белорусского племени. Старая западно-русская письменность / Е.Ф. Карский. – Петроград, 1921. – Т. 3 – 246 с.

4. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў XI–XVII стст. / І. Марзалюк // Гісторыя Беларусі [Электронны ресурс]. – Режим доступа : <http://www.albaruthenia.by.ru/art/edentete.htm>. – Дата доступа : 16.06.2011.

5. Неменский, О.Б. Общерусские аспекты идентичности православных деятелей Галицкой Руси в конце XVI – первой трети XVII в. / О.Б. Неменский // Русская линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusk.ru/analitika/2009/08/11/obwerusskie_aspekty_identichnosti_prawoslavnyh_deyateljev_galickoj_rusi_v_konce_xvi_-_pervoj_treti_xvii_v/. – Дата доступа : 29.03.2010.

6. Свитич, А.К. Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krotov.info/libr_min/s/svitich2.html. – Дата доступа : 16.06.2011.

7. Карский, Е.Ф. Белорусы. Художественная литература на народном языке. / Е.Ф. Карский. – Минск : Беларус. энцыклапедыя, 2007. – Т. 3. – С. 648.

8. Гронский, А.Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А.Д. Гронский // Беларус. думка. – 2008. – № 2. – С. 84–85.

Shimov V.V. Belarus as Postimperial Area

In the article the problems of Belarusian national identity are discussed. Influence of external factors is also estimated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011